ских норм. Вместе с тем и те, и другие вступают в свою очередь в конфликт с формирующимися стихийно в психике средневекового человека элементами гражданственности, сознанием ценности человеческой личности. Нарушив правила христианского смирения и самоуничижения, Мономах уже в первой части «Поучения» обращается к богородице с мольбой: «О владычице богородице! Отими от убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего в пустошнем сем житьи».[36] Однако конфликт Мономаха с самим собой так и остается неразрешенным. Обращаясь к покаянному канону Андрея Критского, взывая к богородице («спаси мя, погыбшаго» и «град свой сохрани»),[37] Мономах завершает «Поучение» в момент крайнего обострения душевной скорби и отчаяния, возможно вызванных какими-то реальными обстоятельствами, скрытыми от нас, но понятными современникам.

К какому литературному жанру может быть отнесено произведение Мономаха? Ставя этот вопрос, мы отнюдь не отбрасываем все те наблюдения, которые были уже сделаны исследователями «Поучения». До сих пор проблема решается по-разному. Одни принимают за жанровое обозначение заглавие, данное летописцем,[38] другие видят в «Поучении» своеобразное завещание, в котором автор подводит итог житейскому и государственному опыту.[39] Н. М. Карамзин называет «Поучение» «бумагами» Мономаха.[40] А. С. Орлов считает «Поучение» автобиографией, однако не касается подробно его жанровых особенностей.[41] Автобиографичность отдельных частей «Поучения» признают Б. А. Романов,[42] В. Л. Комарович,[43] Н. К. Гудзий,[44] Д. С. Лихачев.[45] Сам Мономах дважды, в начале и в конце текста, называет свое произведение «грамотицею», как бы объединяя этим понятием все его разнородные части. Это, следовательно, светское, хотя и не деловое сочинение, так как оно обращено не только к «детям», а и к широкому читателю («дети мои или ин кто»).[46]

Сам автор, очевидно, не считает свою «грамотицу» ни посланием, ни поучением в строгом смысле слова, ни завещанием. В противном случае была бы непонятной его боязнь отрицательной, иронической реакции тех, к кому она обращена («Дети мои или ин кто, слышав сю граматицю, не посмеитеся»).[47] Мысль о возможном осмеянии неприятна Мономаху — пусть лучше скажут, что он «на далечи пути да на санех седя, безлепицю си молвил».[48]

Из слов Мономаха совершенно ясно, что сам он не относил свою «грамотицю» и к хорошо ему знакомым высоким жанрам церковно-учительной литературы. Этим и объясняется тот факт, что исследователям не

---

[36] ПСРЛ, т. I, стлб. 243.
[37] Там же, стлб. 256.
[38] В. Е. Гусев. О жанре Жития протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 195.
[39] Уже А. И. Мусин-Пушкин публикует «Поучение» под заглавием: Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в Летописи суздальской «Поучение» (СПб., 1793).
[40] Н. Карамзин. История государства Российского, т. II, примеч. 177; ср.: И. М. Ивакин. Князь Владимир Мономах, стр. 22, 23.
[41] А. С. Орлов. Владимир Мономах. М., 1946, стр. 5.
[42] Б. А. Романов. Люди и нравы..., стр. 167.
[43] История русской литературы, т. I, стр. 291.
[44] Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1966, стр. 98.
[45] Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. М.—Л., 1967, стр. 17.
[46] ПСРЛ, т. I, стлб. 241. А. Орлов справедливо отмечает, что «Поучение» предназначалось для общего пользования (Владимир Мономах, стр. 125).
[47] ПСРЛ, т. I, стлб. 241.
[48] Там же.